

Хо Линьфэн холодно ответил:

— Ты же знаешь, что это слухи, их правдивость ещё нужно проверить.

Главное, что сейчас нет доказательств их ложности, и, помимо всего прочего, честь и жизнь пятнадцати девушек уже вызывают гнев Небес. Ду Чжэн вздохнул:

— Помню, старший господин говорил, что в стратегии нужно быть максимально строгим и готовиться к худшему.

Хо Линьфэн, не выдержав, сказал:

— Тебе мало, что я и так уже раздражен?

Он выхватил лейку и оттолкнул Ду Чжэна:

— Иди убирай комнату, не мешай мне.

Когда тот ретировался, он остался один и начал поливать дерево.

Хо Линьфэн стал вспоминать: с тех пор, как он присоединился к Дворцу Буфань, он не видел, чтобы четверо господ дворца совершали злодеяния, напротив, они много сделали для помощи пострадавшим в Ханьчжоу. Конечно, Дворец Буфань сотрудничает с людьми при императорском дворе, возможно, они просто выполняют приказы.

Что касается худшего сценария, в его голове возникло лицо Жун Лоюня: бледное от боли, красное от смущения, живое и выразительное в своих эмоциях... Он постарался не думать об этом, когда придёт время противостоять, пусть решает судьба.

Одна магнолия вызвала в нём бурю эмоций, как и та записка под тарелкой.

Ночью Жун Лоюнь сидел у окна с книгой, читая полтома. Глаза устали и болели, но в ушах была тишина, почему никто не пришёл? Магнолию он отправил целый день назад, почему тот не пришёл поблагодарить?

Ему не нужно было слышать «Спасибо, господин, за заботу», но он хотел получить ответ на свои чувства.

Может быть, свет был слишком тусклым, и тот подумал, что он уже спит? Жун Лоюнь пошёл за огнём и зажёл все лампы в спальне, но этого показалось мало, и он зажёл лампы в кабинете, гостиной и коридорах.

Наконец, он взял в руки фонарь с бамбуковой ручкой и зажёл его.

Безымянная обитель редко была так освещена, и каждый раз, когда проходили патрульные ученики, они спрашивали, не случилось ли чего. Жун Лоюнь раз за разом отвечал «Ничего», но разочарование росло с каждым разом, он не был болен, это безумие явно было симптомом болезни.

В конце концов он устал ждать, с грустью повернулся и пошёл обратно в комнату, задувая одну за другой все лампы.

Завтра он, вероятно, придёт, даже лёжа в постели, он всё ещё не терял надежды. Варёные груши были съедены, записка спрятана, прошло уже три дня, неужели тот Ду ни о чём ему не

доложил?

Даже если нет, лотосы в аквариуме завяли, и он не принёс новые.

Он, господин дворца, как мог постоянно ходить в Зал Цяньцзи, почему старший ученик был так невнимателен? Чем больше он думал, тем больше злился, он резко перевернулся на другой бок и ударил кулаком по подушке, оставив вмятину в мягком матрасе.

Хм, той ночью было тепло и уютно, как только он выздоровел, наверное, спал спокойно; подарил ему кисло-сладкий вкус, аромат груши, но не спросил, что он чувствует; мысли тихи и спокойны, но слишком тихи, он зря напрягал уши всю ночь; сердце спотыкается, но куда, может быть, упало в обморок по дороге?

Жун Лоюнь ворочался в постели, его обида была гуще тумана, а огонь ярче луны.

С грохотом ветер захлопнул окно, и он почувствовал ещё большее раздражение. Протянув руку, он одним движением открыл окно, а затем снова лёг, не чувствуя дискомфорта в области даньтянь и сердца, неужели его внутренняя ци восстановилась?

Жун Лоюнь временно развеял мрачные мысли, сел и начал медитировать, чтобы изгнать беспокойство с помощью ци.

К тому времени, когда ночь стала глубже, он наконец расслабился и заснул.

Прошло ещё два дня, Жун Лоюнь так и не дождался благодарности от Хо Линьфэна, магнолия была словно камень, брошенный в воду, и не вызвала никакой реакции. Он мог бы приказать ему прийти, но ему казалось... это было бы неинтересно.

В этот день погода была плохой, пасмурной, как будто окутанной дымкой дождя.

Жун Лоюнь покинул Безымянную обитель, чтобы найти Дуань Хуайкэ и сыграть с ним в шахматы, выпив вина. Проходя мимо Зала Цяньцзи, он не смотрел в сторону, но его шаги невольно замедлились. Он постепенно терял контроль, украдкой бросил взгляд на бамбуковый дом за стеной.

Окно было приоткрыто, но никто не махал ему.

Он закрыл глаза и побежал вперёд.

Дойдя до Обители Цзуйчэнь, которая была недалеко от Платформы Мяоцан, он даже мог слышать крики учеников, тренирующихся на платформе. Среди них был один, который выделялся, и он, как загипнотизированный, пошёл на звук.

Пройдя около ста шагов, его взгляд внезапно расширился, и он увидел учеников, тренирующихся на Платформе Мяоцан.

Среди них выделялась одна фигура, с красивым лицом и высоким ростом, в тёмной одежде, подчёркивающей широкие плечи и стройную талию, развевающиеся полы одежды придавали ему энергичный вид.

Жун Лоюнь смотрел издали, прошло несколько дней, и, похоже, тот выздоровел от простуды, и его силы восстановились. Вдруг кто-то крикнул «Второй господин дворца», и один за другим ученики начали громко звать его.

Хо Линьфэн обернулся и увидел Жун Лоюня, стоящего на краю улицы, с несколько застывшим выражением лица. Он, не думая, сделал шаг вперёд, одновременно крича ученикам:

— Пять движений спиной! Правый кулак вперёд!

Ученики повиновались, повернулись, и он быстрыми шагами спустился с Платформы Мяоцан, остановившись перед Жун Лоюнем. Как только они остановились, оба замешкались, трижды сомневаясь, но когда их взгляды встретились, мысли, скопившиеся внутри, смешались в кучу.

— Господин, — Хо Линьфэн снова стал мягким, как Дуань Хуайкэ, — как поживаете эти дни?

Жун Лоюнь слегка кивнул и сказал:

— Никто не беспокоит, естественно, всё хорошо.

Эти слова, словно иглы, пронзили Хо Линьфэна. Этот величественный человек сделал полшага вперёд:

— Те варёные груши были свежими, сегодня сушёные груши наконец готовы, я планировал отнести их вам после тренировки.

Объяснив, он добавил с сарказмом:

— Если беспокою, заранее прошу прощения.

Жун Лоюнь, который той ночью злился и бил подушку, теперь, услышав объяснение, вытащил иглы, оставив только мягкость. Он спросил:

— Тебе понравилось дерево магнолии?

Хо Линьфэн, как всегда, умел раздражать:

— Нормально.

Жун Лоюнь поднял ногу, чтобы ударить:

— Скажи что-нибудь приятное, иначе сниму тебя с должности старшего ученика.

Хо Линьфэн честно ответил:

— Понравилось.

Ученики уже давно застыли в пятом движении, но он, пренебрегая своими обязанностями, развлекал господина дворца, вдруг его лицо стало влажным, и в этот пасмурный день наконец пошёл дождь.

Жун Лоюнь повернулся, чтобы убежать, спрятаться от дождя и сыграть в шахматы в Обители Цзуйчэнь. Хо Линьфэн крепко схватил его, как орёл, не отпускающий кролика, раз он не беспокоит, зачем искать Дуань Хуайкэ? У него есть сладкие ломтики груш, а не эти дурацкие шахматы!

Он поднялся на Платформу Мяоцан и крикнул ученикам:

— Ищите укрытие от дождя, не входите в зал!

Ученики разбежались, под деревьями, под навесами, толпясь. Хо Линьфэн повёл Жун Лоюня в Зал Чэньби, пользуясь своим положением, занял весь зал, на столе лежал свёрток с ломтиками груш.

Жун Лоюнь пробормотал:

— Такой скупой, этого мне не хватит.

Хо Линьфэн сказал:

— Если я отправлю два цзиня, какой предлог мне искать, чтобы прийти и беспокоить тебя?

Этот сарказм был приятен, Жун Лоюнь положил в рот один ломтик и, жуя, сказал:

— Много всего, завядшие лотосы нужно менять, голубей и сорок нужно кормить, дерево гинкго нужно поливать.

Он замолчал, смущённо и сдержанно:

— Мыть волосы не нужно.

Хо Линьфэн внутренне смеялся, глядя на румяное лицо собеседника, он был уверен, что его внутренняя ци восстановилась. Он пропустил все эти женские дела и спросил:

— Мыть волосы не нужно, а проверить пульс нужно?

Тот раз в чаньском дворе всё ещё был у него в голове, сердце готово было выпрыгнуть из груди, губы готовы были произнести что-то смущающее... Жун Лоюнь повернулся и молчал, словно ему надоело, он раздражён, он прошёл от стола к двери зала, а затем медленно вернулся.

Он использовал Дуань Хуайкэ как стрелу и сказал:

— Старший господин может проверить пульс на запястье.

Хо Линьфэн подошёл:

— Старший господин разбирается в медицине, конечно, он лучше меня.

Подойдя ближе, как в тот раз, когда он вытирал масло с подбородка, он положил ладонь на щёку Жун Лоюня и вытер капли дождя.

В то же время Жун Лоюнь незаметно выпрямил грудь.

Он держал в руках свёрток с ломтиками груш, забыв даже проглотить тот, что был у него во рту. Рука Хо Линьфэна опустилась, плотно прижавшись к его груди, сквозь тонкую летнюю одежду он почувствовал сильное биение сердца.

Тук-тук, в зале, казалось, раздавалось эхо.

За дверью слышались смех и шум учеников.

Жун Лоюнь был в замешательстве и пробормотал:

— Что значит, что твоё сердце спотыкается?..

В мгновение ока глаза Хо Линьфэна наполнились красками: белая магнолия, серый платок, розовые лотосы и зелёные листья, скрывающие красных карпов. Его пульс был настолько беспорядочным, что он не имел права проверять чужой. Рука опустилась ниже, обхватила бок Жун Лююня и крепко обняла его, подняв голову, он коснулся его лба подбородком, опустив голову, коснулся его виска губами.

— Господин, — его голос был хриплым, — послушай сам.

<http://bllate.org/book/16167/1449288>